

Больше всего на свете в эту пасмурную и ветреную погоду я не хотела делать

это – сообщать папе, что его сестра умерла. Нужно было подготовить папу; всем показалось, что это гениальная идея: будто именно я как-то могу сгладить ему эту боль, и меня силком вытолкнули за ворота. Кто-то из соседей сказал, что папа рассекает пшеничное поле, словно ледокол «Арктика», прорывающийся через воображаемые толщи льда. Я с неохотой медленно обходила село, пока не пришлось остановиться перед аллеей из тополей и акаций, между которыми посередине текла уныло коричневая речка. Цепляясь руками и ногами за железную провисшую сетку, которая отделяла два огорода, я стала пробираться по этой аллее. Вода в тот день настолько поднялась, что тропа оказалась под нею, и я держалась за сетку, чтобы не соскользнуть и не промочить ноги. Ладони покраснели, и мне все время казалось, что я больше не выдержу.

А на одном тополе сидел двоечник из старшего класса, который, заметив меня, начал активно пулять через трубочку в мою спину семенами акации. На мне была красная футболка с надписью «Утиные истории», где Скрудж Макдак купался с утятами в золотых монетах, а из моего кармана торчал пластмассовый черный пистолет, который стрелял пулями. Я купила его в долг у пожилой тетушки Саяны, недалеко от школы. Я задолжала ей не только за пистолет и пульки, но и за три жвачки и семь чупа-чупсов. Не знаю, как я собиралась отдавать эти большие деньги. Но когда папа узнал об этом, то вместо того, чтобы поругать меня, наоборот, набросился на тетушку Саяну: «Как же тебе не стыдно, – сказал он, – обманывать маленьких детей и драть деньги с родителей – это грех». Я так долго смеялась тогда, но теперь в двоечника стрелять не стала.

«Папа, привет. Ты знаешь, тетя умерла...»

«Папа, ты так долго шел, ты, наверное, проголодался? Кстати, классная прическа. А тетя умерла...»

«Папа, помнишь, ты хотел повезти тетю к театру Нурадилова, чтобы она сфотографировалась для загранпаспорта... теперь ты не сможешь этого сделать... Она умерла».

Ну зачем они попросили именно меня?! А может, сразу расплакаться, когда его увижу? А когда начнет спрашивать, ответить: «Тети... нет». И уткнуться в его черный свитер, который связала его коллега, бухгалтер с мясокомбината, и мама по этому случаю закатила дома жуткий скандал. Мне все время казалось, что за мной кто-то гонится. Но я настолько устала от всего происходящего, что у меня не было сил обернуться назад. И вообще, я в первый раз увидела сегодня мертвого человека. Тетю положили недалеко от моего шифоньера в зале. И как я переоденусь завтра? Или послезавтра? Мне же все время будет мерещиться, что она там лежит. А ночью я вообще не смогу ничего взять оттуда, если, конечно, дома никого не будет. Раньше я боялась заходить ночью в зал, потому что там висела картина Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем». Этот младенец сосал грудь и смотрел на меня очень внимательно, как будто я собиралась поменяться с ним местами. После Первой войны папин друг сказал, что это грех – рисовать людей, и вообще обнаженность – это харам. И картину пустили в печь.

Кто-то нагнал меня сзади, сильно кашляя и задыхаясь, и ударил с силой по руке.

– Как хорошо, что я тебя догнал.

Это был мальчик из второго класса нашей школы, не помню его имени. Он всегда мне рассказывает, что у них до войны в морозильнике лежали стопки денег, перевязанные разноцветными резинками, и что у его сестры есть купальник за четыреста долларов.

– Ты знаешь... я на утреннике буду Зорро! Я так долго мечтал об этом! Наконец эта роль досталась мне!

И куда-то убежал. Я долго смотрела на его удаляющуюся фигуру и не могла понять, зачем он все это мне рассказывает. Вчера сообщил, что его прадедушка воевал в

Дикой дивизии, которую создал когда-то Николай Второй, чтобы отпугивать врагов. И правнук очень этим гордился. Я спросила, а что они делали? На это он ответил, что у них были папахи на голове, бурки на плечах, у каждого лошадь, и они воевали. И что вообще это было круто – состоять в Дикой дивизии! А папа сказал, что их прадедушка пошел туда, чтобы заработать денег. И я ему верю. Вообще мне кажется, что папа самый крутой, ведь в один год он был в школе Дедом Морозом. А мама готовит лучше всех квас. Но я почему-то этими историями никого не могу удивить. Подруга сказала, что Новый год праздновать нельзя и поэтому плохо, что папа был в костюме Деда Мороза, а квас... это почти алкоголь. И этот мальчик еще сказал, что их машина дороже папиной, а по скорости ей нет равных.

А можно начать разговор с хрустальной совы, чтобы смерть тети не показалась ему такой трагической. У папы была хрустальная пепельница в виде совы, которая всегда стояла на красном журнальном столике, хотя он и не курил, но его друзья могли потянуться за сигаретой при бурном обсуждении действий чеченской оппозиции к нынешней власти. Я ничего, конечно, в этом не понимала, но папа, закинув ногу на ногу, говорил всегда какую-то короткую фразу, запрокидывал голову назад и театрально смеялся, четко и отрывисто: «Ха! Ха! Ха!» Как будто бы он кого-то передразнивал. Эта сова, видимо, тоже ничего не понимала и продолжала тихо пребывать в царстве сна, пока табачный пепел дотлевал на ее голове. Сову особо никто и не замечал, пока не закончилась Первая война. Тогда стали осуждать курение и алкоголь. И сову спрятали между старых матрасов в шифоньере. Может, она продолжала бы спать и дальше, не случись сегодня смерть тети. Бабушка, обнаружив ее, изо всей силы шваркнула ею о стену, воскликнув в сердцах: «Епашмат!» Бабушке всегда казалось, что папа курит и оправдывается друзьями. Хрустальная сова разлетелась на мелкие кусочки. А она папе была дорога, потому что в их посиделках участвовали два друга, которых сегодня нет, они погибли на войне, но для папы как бы продолжали жить в этом хрустале. И поэтому, если

я расскажу все по порядку, то ему, наверное, будет легче все перенести.

Когда мне становится страшно и я волнуюсь, то всегда вспоминаю, как мы с мамой и папой возвращались со дня рождения их друга Михаила. Дом находился в каких-то ставропольских степях, и мы долго ехали туда на папином зеленом грузовике, а я в руках держала поднос с ореховым тортом, который испекла мама. Я проткнула его пальцем в нескольких местах, так как хотела попробовать, я была всегда нетерпеливой. Мы оказались тогда неожиданно бедными. Наши деньги, вложенные в ваучеры, пропали, но Михаил сказал, что обидится, если мы вздумаем остаться дома. Сначала было весело, я с остальными детьми играла в зале, но одна девочка включила какой-то взрослый фильм, где одну женщину чуть не съел крокодил, а потом она мстила весь фильм бывшему мужу и всегда при этом пела песни и танцевала. Но эта девочка проматывала видеокассету вперед, когда там кто-то целовался. Я приоткрыла дверь, где праздновали, там один мужчина дрался с другим, оказывается, он крепко обнял бухгалтершу с папиной работы, когда они танцевали медленный танец, а она вlepила ему пощечину. Я закрыла дверь. А эта девочка теперь смотрела семейный фотоальбом Михаила и даже успела на трех фотографиях пририсовать фломастером розовые усы и женщинам, и мужчинам, и детям. Я еще раз открыла дверь. И увидела, как один мужчина жевал занавески, на четвереньках перемещался по комнате и что-то мычал. Я очень испугалась и, хотя мама просила ничего не трогать в чужом доме, взяла с дивана две твердые подушки и спряталась между ними, а сверху накрылась покрывалом и зажмурила крепко глаза. Я так всегда делала, когда мне становилось страшно.

– Хватит! С меня довольно! Мы едем домой! – крикнул тогда папа.

В кабине грузовика с папой четверо, я не знаю, как они там поместились, но, видимо, у них не было другого выбора с машинами. А мы с мамой в кузове уютно провалялись на дно в одно большое колесо для КамАЗа, среди других колес и шин, укрывшись одеялом. Было холодно.

Мы мчались на большой скорости посреди степи. Иногда грузовик сильно подпрыгивал, а иногда до нас долетали кусочки липкой грязи из глубоких луж у дороги. От этого мы весело смеялись, и мама меня обнимала еще крепче. За нами иногда гнались уличные собаки и громко лаяли. Я смотрела на звездное небо, необъятное, словно усыпанное бриллиантами. Ветер трепал наши волосы в разные стороны, и мне было ужасно холодно и ужасно тепло. Папа иногда рулил беспорядочно, и тогда нас очень смешно бросало в разные стороны, круче, чем в аттракционе. И я себя тогда почувствовала совершенно счастливым человеком.

Мою тетю звали Периза. Я знаю, что она была влюблена в одного парня. И они подавали вместе документы на поступление в университет, в Пятигорске. Бабушка положила ей в сумку сушеное мясо, соленые огурцы и творог, чтобы она не голодала в общежитии. Он сдал все экзамены, а Периза нет. Она несколько месяцев плакала и слушала группу «Кино», из ее комнаты доносилось: «Покажи мне людей, уверенных в завтрашнем дне! Земля-я-я, небо-о-о между землей и небом война-а-а».

Тетя Периза написала этому парню много писем, что ей очень плохо, что она ничего не ест и не хочет жить, но он ответил лишь дважды. В одном письме он посоветовал ей прочесть книгу «Унесённые ветром», поучиться стойкости характера у Скарлетт О'Хары, и что она сама должна себе помочь и больше никто за нее это сделать не сможет. А во втором письме написал, что самое большее, что он может сделать, это просто помолиться за нее. Тетя Периза рассказывала это все по телефону кому-то, я слышала, когда поливала толстянки в коридоре недалеко от ее комнаты, и чтобы дослушать все, я даже протерла все листочки тряпкой. Тетя покупала в дом эти растения, так как считается, что они притягивают деньги. Она даже кошелек купила красный, чтобы, как магнитом, притянуть деньги, а еще змеиные языки закопала в трех местах, чтобы они уберегли ее от сглаза. «Ты можешь себе представить? – говорила она по телефону. – Я словно вишу над обрывом, вцепившись из последних сил в какую-то ветку, и мне нужна помощь...

мне нужна всего лишь его рука, чтобы вытянул из этого обрыва. А он говорит: прочитай книгу. Ты представляешь? А потом: я помолюсь за тебя – и уходит, оставив меня».

Когда тетя заболела и лежала в больнице в Ростове, не могла прийти в себя после операции, мама громко рыдала в коридоре. К ней подошла одна русская бабушка и предложила ей поставить свечку в молельне. И мама поставила три свечки, не понимая, что она делает, ведь у нас другая религия. Когда папа узнал об этом, то попросил ее не говорить никому. Но больше всего сейчас меня расстраивает то, что двоюродный дядя зарезал бычка по имени Диего, так назвала его тетя Периза в честь актера из мексиканского сериала. Он-то в чем виноват? Я понимаю, когда умирает человек, то нужно много мяса, чтобы раздать и на трехдневные похороны. Но это же был ее любимый бычок. Двоюродного дядю мы видим очень редко, только на каких-то больших семейных сборах, таких как похороны, свадьба, поминки или мавлид. Он ходит в ковбойской шляпе и с усами, как у Чака Норриса. И все должны его слушаться, даже папа, и вообще у него походка, как у главного человека, а мне кажется, что его все слушаются потому, что он выше всех ростом.

Когда-то, до войны, Периза захотела удочерить одну девочку из детского дома. Она даже меня возила в город показать ее и попросила никому не говорить. Видимо, она не могла отпустить того парня и не хотела знакомиться с другими. А может, ей хотелось, чтобы ее пожалели так же, как она желала окутать любовью этого ребенка? Когда началась война, она больше всего переживала не за нас, а за этого ребенка. Все время сбегала в Грозный. И до конца жизни чувствовала вину перед этой девочкой. После войны она часто приходила к полуразрушенному детскому дому и тихо смотрела на него, как будто ждала ответов на все вопросы, которые накрывали ее.

Не знаю как кому, а мне точно будет ее не хватать. И я буду скучать по ее полетам на дельтаплане. Да, у них в гараже стоял настоящий дельтаплан розового цвета, это она его так перекрасила. Мы вместе тащили его к холмам,

она долго готовилась, отталкивалась, и наконец дельтаплан отрывался от земли и взмывал в небо. Тетя так весело смеялась и кричала нам: «С дороги, шизики!»

А я весело аплодировала внизу, мне казалось, что «шизики» значит помощники. Бабушка переживала, что на такой, как Периза, точно никто не женится. А дедушка складывал руки на своей трости, упирался в них подбородком и, улыбаясь, смотрел на дельтаплан.

– Оставь ее, оставь, – только и говорил он. Мне казалось, что дедушка ею гордился.

Тетя Периза никогда не смотрела вниз, когда летала в небе. Ей было важно осознавать, что она и есть часть неба, вернее, она и есть небо. Она рассказывала, что всегда плачет там, в небе, но это от счастья. От радости, что у нее такой понимающий отец и что он затыкает всех, кто пытается сделать замечание. Раз или два тетя не справилась с ветром и управлением и упала в бассейн двоюродного дяди в ковбойской шляпе. Это было алюминиевое корыто прямоугольной формы, куда вмещалось четыре тонны воды. И дядя часто заполнял его водой и надувал покрышки, чтобы дети поплескались в воде. Соседи иногда видели в бассейне его жену в халате, а он каждый раз отмахивался, что это она, мол, поскользнулась и упала. Но не может же она каждый раз падать? Двоюродный дядя в ковбойской шляпе, увидев искореженный дельтаплан, свое прогнущееся алюминиевое корыто и радостную Перизу, только и смог процедить:

– Куропатка! Я бы тебе и бумажный самолет не доверил!

И корыто сдали на алюминий, а розовый дельтаплан Периза починила. Мне будет не хватать этого ее: «С дороги, шизики!» В этой фразе было столько жизни! Столько раз военные пытались обвинить ее за то, что она летала на дельтаплане во время войны. Им казалось, что она таким образом выведывает какую-то информацию о военных, прикрываясь невинным розовым цветом.

Бабушка много раз порывалась купить Перизе шубу. Она объясняла это тем, что у нее уже солидный возраст

и в таком возрасте нельзя носить черную потрепанную временем куртку. А тетя лишь отвечала, что шубы в пол носят только сутенеры, так показывают в американских фильмах, она это видела много раз. Тетя была вегетарианкой. Я спросила папу, что значит слово «сутенер», а он лишь сказал: «Тебе очень идет этот ободок». И я поняла, что больше нельзя об этом спрашивать.

Я наконец дошла до пшеничного поля. До войны я тут обычно ждала тетю Перизу с работы, она всегда мне что-нибудь привозила: куклу, жвачку, конфеты. И теперь я стою тут, как тетя когда-то, только в моей воображаемой сумке – Периза и хрустальная сова. Вернее, их нет, и я должна сообщить папе, что их нет. У папы за спиной огромный рюкзак с продуктами, и на нем свитер, подаренный той самой бухгалтершей, которая отвесила оплеуху кому-то на дне рождения Михаила. Чем стремительнее приближался папа, тем больше я ощущала, что взрослая жизнь с бешеной скоростью мчится мне навстречу и детство скоро разлетится на мелкие кусочки, как хрустальная сова сегодня. А вдруг папа помешается на смерти тети, как папа моей подруги? Тот ходит по всем комнатам и разговаривает с воображаемым человеком, размахивая руками. А мама сказала, что так делают люди не оттого, что они сумасшедшие, а потому что они так и не встретили такого близкого человека, с кем можно было бы говорить обо всем. В горле я почувствовала большой ком и поняла, что ничего внятного не могу произнести.

– Тетя Периза... Тетя Периза... – шептала я.

На самом же деле получалось просто шевеление губ. Я оглянулась назад, словно на отдаляющееся детство, которое покидало меня в виде розового дельтаплана, еще раз попыталась заговорить. Папу зовут Дауд, но тетя его звала только Доди, как возлюбленного принцессы Дианы, которая ей очень понравилась из-за ее свадебного платья в день бракосочетания с принцем Чарльзом. Я почувствовала взгляд папы. Мне показалось, что его лицо застыло с приоткрытыми губами и лишь глаза стали чаще мигать. Папа будто бы с удивлением смотрел вниз, всеми силами

стараясь разглядеть землю. Как будто он увидел ее в первый раз. Он пытался зацепиться руками за ремни от рюкзака, но пальцы его не слушались. Его испугал большой платок у меня на голове. На похоронах нужно прикрывать волосы.

– Зачем... зачем платок? – только и сказал папа, сдерживая его с меня.

Ветер подхватил платок и унес вверх, в небо. Я всеми силами пыталась удерживать слезы, откашливалась и смотрела по сторонам, будто бы ответ скрывался в пустоте. Он растрепал мне волосы, и я почувствовала, как его пальцы дрожали.

– Тетя Периза... – только и смогла я произнести.

Папа крепко обнял меня и дальше понес на руках. Он постоянно кашлял и все время смотрел по сторонам, словно за нами кто-то гнался. Мне хотелось сказать ему, что это очень тяжело – нести и рюкзак, и меня, но поняла, что не смогу ничего произнести. Мы шли очень быстро, как будто в том месте, где я сообщила ему про тетю Перизу, была заложена бомба, которая могла взорваться в любой момент. Папа часто вспоминал случай из их жизни в ссылке, в Казахстане, когда маленькая Периза потерялась в степи и за ней гонялись бездомные собаки. В детстве папа больше всего боялся темноты и собак, но тогда он налетел на них с криками и махал палкой, закрыв глаза, чтобы спасти Перизу. Собаки отбежали. Периза долго плакала и сбивчиво рассказывала ему, как ей было страшно. Они сидели в полной темноте, тесно обнявшись. Папа попросил ее никому не рассказывать, как он испугался. И она сдержала слово.

Последние годы тетя работала на почте. Она давала мне открытки с ярко-брусничными и алыми закатами, на фоне которых возвышались пальмы. Виды Мексики. Мне нравилась мексиканская актриса Вероника Кастро, и тетя Периза предлагала написать ей на обратной стороне открытки все, что я захочу. Я написала Веронике, что мама, кажется, влюблена в друга папы, так как я видела, как она крутила ручку кофейной машинки, перемалывая кофе, и смеялась, слушая его. Но так как я не знала букв, то получались каракули. Тетя Периза так отвлекала меня от своей

работы. А вечером она поднимала меня к почтовому ящику, куда я опускала десятки открыток.

«Ну, все! Вечером Вероника обязательно прочтет твои письма», – говорила она, озираясь по сторонам. И я ей верила.

Когда мы с папой дошли до аллеи из тополей и акаций, он недолго думая пошел по коричневой воде. Его ноги засасывала густая жижа грязи. Ноги проваливались до колен. Ветки акаций хлестали нас по лицам, и я зажмурилась глазами. Папа задышался и с трудом вытаскивал ногу из жижи, чтобы сделать еще один шаг. Я понимала, как ему тяжело в прямом и переносном смысле. Посередине мы остановились: он услышал гул и взволнованно посмотрел в небо. Я знаю: ему показалось, что это тетя Периза парит на розовом дельтаплане. Мы увидели розовое облако. И нам обоим показалось, что она кричит: «Эй, с дороги, шизики!» Папа тяжело задышал и стал отрывисто всхлипывать. На нас посыпалось конфетти из листьев акаций, я подняла голову и увидела двоичника, который пулял в меня семенами полчаса назад. Сейчас он сидел, тихо прижавшись к стволу тополя, и внимательно на нас смотрел. Розовое облако нависло над нами, словно кусок розовой сахарной ваты, дразня с недосягаемой высоты. Мы были словно маленькие дети, засмотревшиеся в прошлое. Это облако создавало иллюзию присутствия тети Перизы. Поднялся сильный ветер, и облако исчезло, а на нас снова посыпались листья акации – словно дождь. Благодатный дождь. Словно тетя Периза пыталась нас утешить.